

DOI: 10.31857/S086919080009067-0

Для цитирования: Чеснокова Н.А. [Рец. на:] Константин Асмолов. *Корейская политическая культура: традиции и трансформации*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с. ISBN 978-5-91244-217-9. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 235–240. DOI: 10.31857/S086919080009067-0

For citation: Chesnokova N.A. [Review of:] Konstantin Asmolov. *Korean Political Culture: Traditions and Transformations*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. 697 p. ISBN 978-5-91244-217-9. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 235–240. DOI: 10.31857/S086919080009067-0

Константин АСМОЛОВ. *КОРЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017, 697 с. – ISBN: 978-5-91244-217-9

© 2020

Н.А. ЧЕСНОКОВА^а

^а – НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5749-6615; nchesnokova@hse.ru

Современная внешняя и внутренняя политика КНДР и РК представляется одним из центральных аспектов, которые необходимо принимать во внимание в условиях глобализации и развития дипломатических отношений со странами Дальнего Востока. Из экономически отсталой страны Республика Корея превратилась в одного из «азиатских тигров», занимающего лидирующее положение в мировой индустрии; Корейская Народно-Демократическая Республика в настоящий момент – ядерная держава, готовая к диалогу. При этом можно говорить о недостаточной изученности внутренней политической ситуации в РК и КНДР, их политических систем и идеологий, а также потенциальных форм развития. Это связано как с недоступностью детального изучения тех или иных аспектов жизни корейского общества, с его «закрытостью», так и с узким кругом специалистов, способных проанализировать и корректно оценить данную проблематику. Дипломатические отношения обоих государств на Корейском полуострове между собой и с «внешним» миром, устройство политических институтов и довлеющая идеология в настоящий момент претерпевают значительные изменения, которые отражают научные статьи, но не монографии. Например, среди наиболее известных трудов можно выделить следующие исследования: «Политические системы государств Корейского полуострова» [Булычев, 2003], двухтомную монографию «Политическая модернизация Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа» [Толстокулаков, 2007] и докторскую диссертацию «Политическая модернизация в посттрадиционном обществе (на примере Южной Кореи)» [Толстокулаков, 2009]. В 2019 г. вышла монография «У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века» [Толорая, 2019], в которой обращено внимание на аспекты и тенденции дипломатического взаимодействия между Российской Федерацией и странами Корейского полуострова, а также социально-экономическое устройство КНДР. Существует, разумеется, немалое количество статей отечественных и зарубежных ученых, посвященных вопросам изучения современной корейской политики, но явно недостаточное для формирования комплексного представления. Таким образом, монография К.В. Асмолова «Корейская политическая культура. Традиции и трансформации» – это масштабный труд, который призван, с одной стороны, выявить связи между традиционным и современным корейским обществом и, вероятно, дать системное представление о корейской политической культуре в целом, а с другой – рассмотреть политику КНДР и РК в динамике, сравнить и предложить собственную гипотезу о будущем стран. Цель, несомненно, актуальная и значимая для научного сообщества. Монография

представляет собой второе, переработанное издание «Корейской политической культуры» К.В. Асмолова 2009 г. [Асмолов, 2009] и предлагает свой анализ политической ситуации на начало 2017 г.

Монография состоит из тринадцати глав, которые последовательно знакомят читателя с политической ситуацией в РК и КНДР, а также с собственными заключениями и выводами автора. Некоторые из них, несомненно, представляют собой потенциально новую и перспективную отправную точку для дальнейших исследований в области как политических систем в РК и КНДР, так и «исторической памяти» – темы, в последнее десятилетие привлекающей все большее внимание. Другие же предоставляют «базу», без которой невозможно понимание корейской культуры, ее ценностей и их влияния на актуальную политическую ситуацию.

Среди вопросов, поднимающихся в монографии: традиционная корейская политическая культура, истоки ее формирования и особенности; государственный строй в КНДР и РК, роль лидера в обоих государствах; административный аппарат; политические партии и борьба между ними; государственная идеология; репрессивный аппарат; государственная агитация и пропаганда; «пятая колонна» и формы протеста. Чрезвычайно любопытна глава «Социально-психологические последствия изменения традиционной политической культуры и связанные с этим проблемы», касающаяся «изнанки» современного корейского общества и поведенческих паттернов, вызванных трансформацией общественных отношений и рождением новых и устойчивых как социально-экономических, так и деловых моделей поведения.

В Заключении же К.В. Асмолов не только подводит итоги исследования и характеризует перспективы дальнейшего изучения политической культуры в КНДР и РК, обращается к вопросу о потенциальном объединении государств Корейского полуострова, но и предлагает практические рекомендации, которые, по его мнению, могут быть полезны для внутренней и внешней политики России. Автор сравнивает историческое развитие России и Кореи, переход от сильной автократии к демократии, рассматривает сложности пути, в том числе касающиеся укрепления национального самосознания и преодоления последствий смены режима.

В первой же главе, предполагающей знакомство с историей Кореи, К.В. Асмолов выделяет и расшифровывает четыре характерные для корейского традиционного общества черты. Это «более слабое, по сравнению с китайским, политическое лидерство корейского правителя» (с. 21), «более высокий уровень корпоративности правящего сословия» (с. 25), «внешняя зависимость, преувеличенная тяга к копированию внешних образцов и определенное упование на помощь сюзерена» (с. 27), «ослабленная роль военных» (с. 28). Также автор обращается к проблематике перевода западных понятий через иероглифическую письменность и обратно (с. 31–33). Речь идет, например, о таких важных терминах, как «демократия», «свобода», «гражданин», «республика» и др.

К.В. Асмолов касается непосредственно процессов трансформации политической культуры КНДР и РК, выделяя три общих для обеих стран этапа. Первый: внедрение идей «сюзеренов» (т.е. «коммунизм – на Севере, антикоммунизм / западная демократия по типу США – на юге» (с. 64)) – при этом автор уточняет, что такие термины, как «свобода» и «демократия», тем не менее были незнакомы корейскому народу (с. 65). Второй – формирование «системы с фасадом, отвечавшим требованиям времени, но традиционным по содержанию» (с. 65). Третий – формирование под влиянием изменившегося миропорядка «нового базиса» (с. 66).

Приведенные выше примеры показывают, что монография ориентирована на читателей, которые могут иметь минимальные знания о событиях, происходивших на Корейском полуострове. Поэтому в первую очередь она призвана дать базовое представление о государствах и о том, что движет их политической элитой, – начиная с отвлеченных и

простых понятий К.В. Асмолов постепенно переходит к сложным амбивалентным структурам, для понимания которых требуется знакомство с международной политикой РК и КНДР, их идеологическими ценностями и движущими стратегиями развития.

Нельзя не отметить широту кругозора автора, глубокое понимание состояния современных политических систем в КНДР и РК, личный опыт пребывания в обоих государствах, а также наличие собственной точки зрения, которая порой может не совпадать с мейнстримом.

Это, например, отношение автора к персоне бывшего президента РК в 2013–2017 гг. Пак Кынхе (род. в 1952 г.), которой в марте 2017 г. Конституционным судом Кореи был объявлен импичмент. Несмотря на то что автор последовательно излагает ход расследования, выявившего крупный коррупционный скандал, он открыто высказывает свои сомнения относительно «чистоты дела». «Одно из ключевых событий – аудиозаписи телефонных разговоров Пак... получается, что какое-то количество людей заранее предположало подобное развитие событий и заранее собирало компромат на президента хотя бы как часть будущей сделки с правосудием» (с. 186). Он также уверенно замечает, что говорить об импичменте Пак Кынхе как о «сеульском Майдане» принципиально некорректно, и хотя массовые протесты доказывают, что в РК есть работающие структуры гражданского общества (с. 389), но отсутствие «пропрезидентской поддержки» и скорая популяризация медиаштампов о беспомощности и погрязшей в коррупции Пак Кынхе представляют их хотя и символами демократического общества, но символами «сытыми» (с. 382), а потому безопасными. Споря с западными корееведами, К.В. Асмолов заключает, что «уместнее говорить не о демократизации в чистом виде, а о том, что в Корее начали работать предусмотренные конституцией демократические механизмы. Процедура импичмента стала действующим инструментом, но оказалась в руках политиков старого образца» (с. 376).

Отдельную главу автор уделяет чучхе и сосредоточивается в основном на этимологии слова, его корнях, связи с марксизмом, традиционными корейскими идеями и христианством. К сожалению, о том, как обстоят дела с идеалами чучхе в КНДР с 2000-х гг., автор умалчивает.

Наиболее важными нам показались главы монографии, посвященные идеологии в РК и КНДР и «воспитанию» политически сознательного, образованного и патриотичного члена общества. К.В. Асмолов рассматривает особенности развития и укрепления идеологии, начиная от 1948 г. и основания обоих государств на Корейском полуострове, не обходя стороной и антикоммунизм в РК (с. 259–268), и отношение корейцев по обе стороны границы к США (с. 268–279), Японии (с. 280–288). Большим блоком идет вопрос о национализме и столпах, на которые он опирается.

В контексте постепенного урегулирования дипломатических отношений между КНДР и США кажется чрезвычайно интересным аспект о тиражируемой международными СМИ «ненависти» северян к США – автор обращает внимание читателя на тот факт, что «ненавидят именно “американский империализм”, а не любого американца» (с. 269). В данном контексте ни регулярные визиты Денниса Родмена в КНДР, ни сенсационное пересечение границы 30 июня 2019 г. президентом США Дональдом Трампом уже не кажутся симптомами агонии северокорейского режима.

На наш взгляд, важным и требующим дальнейшего изучения является вопрос о «славных предках», как называет К.В. Асмолов мифических и исторических героев, которым отведена особая роль в идеологии. Так, в КНДР место исторического лидера занял Тангун – мифический основатель первого корейского протогосударства Древний Чосон, и вслед за ним – герои-партизаны, проявившие себя в борьбе с японскими властями. В РК привилегированное место занимают «юноши-цветы» хвараны, составлявшие военную элиту Силла (57 г. до н.э. – 935 г.). Автор знакомит читателя с основными точками

зрения на «славных предков» и их наследие, но не дает этому объяснения, считая его, по-видимому, самоочевидным. С этим трудно согласиться: хотя и возможно говорить о создании «героического прошлого» через организацию географического пространства, может иметь место и связь избранных героев с легитимацией власти в КНДР и РК и довлеющим политическим режимом. Тем более что далее К.В. Асмолов касается связи между периодом Трех государств (I в. до н.э. – X в. н.э.) и современностью, а именно дискуссии об этнической принадлежности жителей государств Когурё и Бохай (Пархэ) и о причинах важности этого для КНДР (с. 352–357).

Чрезвычайно интересным и также нераскрытым, на наш взгляд, представляется брошенное автором вскользь утверждение, что РК «стирает с карты» КНДР, т.е. продвигает страну на международном уровне так, чтобы «навязать ситуацию, при которой РК называли бы не “Республика Корея” и не “Южная Корея”, а просто “Корея”. КНДР, таким образом, как бы не существует или отсекается и не воспринимается как часть Корейского полуострова» (с. 265). Это утверждение представляется емким и верным, напоминая о «двух Китаях», параллели с которым напрашиваются сами собой, но между тем далее никак не развивается.

Мы полагаем, что сложность полновесного раскрытия тех или иных тем состоит в их количестве: К.В. Асмолов решил охватить в своей монографии, по-видимому, все возможные вопросы, намечая пунктирные линии для дальнейших исследователей, которые пойдут по его стопам. Монография действительно глобальна по своей задумке, но желание автора максимально подробно и всесторонне раскрыть события, происходящие на Корейском полуострове со второй половины XX в., на наш взгляд препятствует тому, чтобы также масштабно осветить события предыдущих веков, и в этом кроется ее слабость.

Так, в первой главе – «Формирование традиционной политической культуры и очерк ее основных особенностей» представлен краткий срез истории развития корейской государственности и связанной с этим политической культуры, который обрывается на окончании корейско-японской Имджинской войны (1592–1598) (с. 16) и продолжается уже с XIX в. (с. 33), включая колониальный период (с. 47–52), разделение полуострова и краткую историю РК и КНДР до начала XXI в. (с. 52–68).

О XVII–XVIII вв. К.В. Асмолов упоминает вскользь: «...с начала XVIII в. страна погрузилась в период застоя, окончательно закрепившего облик политической системы, который мы рассмотрим ниже...» (с. 16). Позволим себе не согласиться с позицией автора.

XVIII век – это период так называемого Корейского Ренессанса, известный в том числе проводимой королями страны «политикой равноудаленности», когда влияние придворных группировок, в отечественной историографии называемых «партиями», было минимальным. При королях Ёнджо (1694–1776, правил в 1724–1776) и Чонджо (1752–1800, правил в 1776–1800) в Корее были последовательно проведены реформы, сосредоточившие всю полноту власти в руках монарха; короли заботились об укреплении государственных границ, развитии сельского хозяйства, улучшении жизни простолюдинов. Немало было сделано и в области образования, развития собственной культуры и формирования «кореоцентричного» мировоззрения [Нап, 2010].

Зато с XIX в., после загадочной смерти короля Чонджо в 1800 г., к власти приходят представители богатых кланов, заинтересованные в консолидации природных ресурсов и золотых запасов в своих руках, и о центральной продуманной политике, равно как и о развитии экономики, говорить не приходится. Непримируемые споры между консерваторами и жаждущими срочных реформ «революционерами», стагнация, отсутствие единой контролирующей руки и кризис самоопределения в условиях давления иностранных держав, пытающихся распространить на Корейский полуостров свое политическое влияние и не допустить усиления там чужого, – лишь основные проблемы, с которыми столкнулась страна в конце XIX в. Таким образом, полагаем, что без сравнительного сопоставле-

ния политической и экономической ситуации в Корее XVIII и XIX вв. считать XVIII век «периодом застоя» неоправданно.

Спорной кажется и точка зрения неизвестных северокорейских собеседников автора, согласно которой *«садэ»* – не более чем форма дипломатии, а “теория малого Китая” или иные разговоры о том, что после того как в Китае пришли к власти маньчжуры, истинное конфуцианство сохранилось в Чосоне, никогда не были основой идеологии» (с. 351). Спорна она потому, что, во-первых, остается неизвестным ни уровень образования собеседников К.В. Асмолова, ни их знакомство с источниками. А во-вторых, потому, что даже в РК, где «теория малого Китая» востребована и пользуется популярностью, о ней нет единого мнения [Чеснокова, 2017]. Таким образом, мы не можем быть уверены, что данное утверждение объективно.

Размышляя о корейской истории, К.В. Асмолов обращается к тому, что составляло философскую подоплеку власти монарха – т. е., по большей части, к значению конфуцианства как института сакрализации власти. Данное отступление непосредственно связано с описанием роли лидера в КНДР и РК, но вызывает интерес и само по себе, так как может служить достаточно емкой иллюстрацией формирования идеального облика правителя в традиционной Корее. Хотя за абсолютом, разумеется, его принимать нельзя. Так, спорно утверждение: «...мягкий и нерешительный правитель пользуется меньшим уважением, чем жесткий и решительный диктатор, так как внимание акцентируется не столько на страданиях народа в его правление, сколько на том, к чему это правление привело страну» (с. 18). В этой связи вспоминаются сразу несколько жестких правителей, среди которых братоубийца Тхэджон (1367–1422, правил в 1400–1418) или, например, свергнутый и не получивший посмертного титула диктатор Ёнсангун (1476–1506, правил в 1494–1506) – нельзя сказать, что они оказались более популярны, чем вышеупомянутый Чонджо, проводивший достаточно мягкую политику и до определенного времени привлекавший на государственные должности даже корейских католиков (например, Чон Ягёна; 1762–1836).

Хотелось бы привести еще два примера, в которых связь между традицией и современностью прослеживается с большой натяжкой и требует дополнительных комментариев, которые К.В. Асмолов не дает.

Это регионализм XX в. и конфликт интересов выходцев из провинций Кёнсан и Чолла, который К.В. Асмолов возводит к X в., а именно к завещанию основателя Корё (935–1392) Ван Гона (877–943, правил в 918–943). Нежелание видеть выходцев из южных провинций у власти для Ван Гона объяснялось тем, что прежняя силлаская столица, Кёнджу, находилась на юге, и соответственно там сосредоточилась вся старая аристократия, которая, несомненно, не потеряла своей мощи. Нам кажется крайне маловероятным, что Пак Чонхи (1917–1979, президент РК в 1962–1979 гг.) руководствовался теми же причинами.

То же самое касается истории националистических тенденций, которые К.В. Асмолов видит в Корё, в истоках мятежа Мёчхона (?–1135) в 1135–1136 гг. (с. 308). О самом Мёчхоне ранее упоминается лишь, что тот «пытался превратить Корею из вассала Китая в государство, равное ему. Опираясь на геомантические выкладки, он настаивал на переносе столицы из Кэсона в Пхеньян (бывшую столицу Когурё) и принятии ваном титула императора» (С. 14). А между тем мятеж Мёчхона – это явная борьба между кэсонской и пхеньянской аристократией, и мы согласны с мнением В.М. Тихонова, который считает, что «громогласные внешнеполитические лозунги были для группы Мёчхона просто методом приобретения престижа во внутренней политике и не были рассчитаны на реализацию» [Тихонов, Кан, 2011].

Полагаем, что желание максимально сконцентрироваться на современности и дать лишь общие черты традиционной Кореи и помешало К.В. Асмолову детальнее объяснить, что именно он имел в виду, сравнивая события, пропасть между которыми исчисля-

ется десятилетиями и иным социально-экономическим положением, строем и политическим режимом.

Подытоживая, хотелось бы вновь вернуться к плюсам монографии. Это добротное обширное исследование, предлагающее свою собственную концепцию связи между традиционным и современным обществом и того, как существующие в данный момент на Корейском полуострове государства будут развиваться. Автор дополняет теорию многочисленными историческими примерами и затрагивает важные и сложные вопросы международной политики, социальной адаптации, маркеров режима и намеков на его смену. В его изложении современная история КНДР и РК предстает динамичным полотном, и, опираясь на дневниковые записи очевидцев, интервью и актуальные новостные колонки, К.В. Асмолов широкими мазками рисует настоящее.

Монография может быть востребована как у специалистов-корееведов, так и у историков и политологов широкого профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Асмолов К.В. *Корейская политическая культура: Традиции и трансформация*. М.: ИДВ РАН, 2009 [Asmolv K.V. *Korean Political Culture. Traditions and Transformation*. Moscow: IFES RAS, 2009 (in Russian)].

Булычев Г. *Политические системы государств Корейского полуострова*. М.: МГИМО, 2003 [Bulychev G. *Political Systems of the States on the Korean Peninsula*. Moscow: MGIMO University, 2003 (in Russian)].

Тихонов В.М., Кан Мангиль. *История Кореи*. В 2-х тт. Т. 1. *С древнейших времен до 1904 года*. М.: РГГУ, 2011 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XLI) [Tikhonov V.M., Kan Mangil'. *History of Corea*. In 2 Vols. Ed. T. M. Simbirtseva. (Orientalia et Classica: 41). Moscow: Natalis, 2011 (in Russian)].

Толорая Г.Д. *У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века*. М.: «Дашков и К», 2019 [Toloraia G.D. *The Eastern Threshold of Russia. Sketches of Korean Politics at the Beginning of the 21st Century*. Moscow: Dashkov i K, 2019 (in Russian)].

Толстокулаков И.А. *Политическая модернизация Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа*. В 2-х тт. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007 [Tolstokulakov I.A. *Political Modernization in South Korea. An Essay in Historical and Political Analysis*. Vladivostok, DVFU University, 2007 (in Russian)].

Толстокулаков И.А. *Политическая модернизация в посттрадиционном обществе (на примере Южной Кореи)*. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2009 [Tolstokulakov I.A. *Political Modernization in Post Traditional Society. Republic of Korea*). DSc (History) Dissertation. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, 2009 (in Russian)].

Чеснокова Н.А. *Дипломатия на грани фолы: «верность», «долг» и «садэ» в Корее в XVII–XVIII вв.* *Вестник РГГУ*. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. Вып. 2(8). М.: РГГУ, 2017. С. 114–122 [Chesnokova N.A. On the Rough Edges of Diplomacy. “Loyalty”, “Debt” and “Sadae” in the 17th–18th Centuries in Korea. *Vestnik RGGU*. No 2(8). Moscow: RSUH, 2017. Pp. 114–122 (in Russian)].

Han Young Woo. *A Review of Korean History*. Vol. 2. *Joseon Era*. Seoul: Kyongsawon, 2010. Pp. 195–269.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧЕШОКОВА Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Nataliya A. CHESNOKOVA, PhD (History), senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.